

ИСТОРИЯ НАУКИ

А.Е. ПЕТРАКОВА

A.E. PETRAKOVA

ВАЗЫ ИЗ РАННИХ РАСКОПОК ЛЮСЬЕНА БОНАПАРТА В КАНИНО В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА¹

VASES FROM THE EARLY EXCAVATIONS OF LUCIEN BONAPARTE IN CANINO IN THE COLLECTION OF THE STATE HERMITAGE MUSEUM

*The dispersion of the vases found on Bonaparte's land
is a long, never fully investigated story*
[Nørskov, 2002, p. 90]

Люсьен (Луциано) Бонапарт (1775–1840) – личность, безусловно, известная не только благодаря своему именитому родственнику, но и в силу своих собственных деяний, пусть оценивавшихся как современниками, так и учеными XX века неоднозначно². Младший брат Наполеона Бонапарта, принимавший вместе с ним участие в государственном перевороте и разнообразных дипломатических делах, последовавших за этим, он был впоследствии отстранен братом от дел. В 1800 году (после смерти первой супруги) Люсьен женился на Александрине де Блешам (1778–1855), что привело к ссоре с Наполеоном, следствием чего стал отъезд Люсьена в Рим. Расположенный к нему Папа Пий VII предоставил ему земли в области Лацио в коммуне Канино, что в провинции Витербо, а с 1814 года – и титул принца Канино (ил. 1). Перипетии своей биографии до переворота Люсьен Бонапарт подробно изложил в мемуарах [Bonaparte, 1836], а то, что туда не вошло, было дополнено впоследствии Теодором Юнгом [Jung, 1882–1883].

В октябре 1828 года Люсьен и Александрина³ Бонапарт начали на своих землях в Канино к юго-востоку от древнего этрусского города Вульчи археологические раскопки (ил. 2). В монументальной работе, обобщающей результаты двадцатилетних раскопок в Этрурии, Джордж Деннис повествовал о начале работ Люсьена Бонапарта в Канино следующим образом: «*Двадцать лет назад о существовании этого*

¹ Статья представляет собой публикацию (в переработанном и значительно расширенном виде) материала, впервые опубликованного на английском языке [Petrakova, 2017].

² Например: «*The lucky proprietors of whom the luckiest was Napoleon's slippery brother Lucien, the Prince of Canino, were soon selling off their booty to European collectors*» [Cook, 1997, p. 281]. Или: «*The site sixty miles north-west of Rome was on land that mostly belonged to Lucien Buonaparte, the Prince of Canino, brother of Napoleon. He was a tricky customer, and the Princess was no less so*» [Sparkes, 2005, p. 58].

³ Хотя в текстах того же Дж. Денниса все время говорится о «Принце Канино», именно Александрина получила официальное разрешение на раскопки и занималась множеством практических вопросов; по сути, Люсьен занимался раскопками лишь с декабря 1828 года по 1832 год; после 1832 года, когда он поехал по делам в Лондон, Александрина занималась раскопками в его отсутствие; также она продолжила свою деятельность и после смерти супруга. См., например: [Buranelli, 1995, p. 83–93, 98–99].

Петракова А.Е. Вазы из ранних раскопок...

колоссального кладбища никто и помыслить не мог. В начале 1828 [года крестьяне] пахали землю на волах в окрестностях замка, и тут внезапно земля разверзлась под ними и открыла [изумленным взорам] этрусскую гробницу с двумя разбитыми вазами. Это [происшествие] повлекло за собой дальнейшие исследования, которые проводились сперва без ведома Принца Канино, но к концу года он взял раскопки в свои руки, и [все] за четыре месяца он извлек на свет более чем две тысячи предметов этрусской древности, и все это – с участка земли [размером] всего три или четыре акра» [Dennis, 1848, p. 407-408]⁴. Впоследствии Франц Мессершмидт, автор другого монументального обобщающего труда о раскопках в Этрурии, предположил, что красивая история о провалившемся под землю плуге с волами – всего лишь легенда, придуманная Люсьеном Бонапартом [Messerschmidt, 1930, S. 6-7]; однако эта история, по мнению современных исследователей, вполне могла произойти и в действительности [Nørskov, 2002, p. 58].

Люсьен и Александрина Бонапарт не были ни первыми, ни единственными, кто раскапывал гробницы в окрестностях Вульчи. Параллельно с ними древности искали (и продавали легально и нелегально) и другие землевладельцы [Buganelli, 1995, p. 81]. Например, тогда же, в октябре 1828 года, к северо-западу от Вульчи работы велись объединенными силами Винченцо Кампанари⁵ (получившим незадолго до этого официальное разрешение от папского правительства), братьев Антонио и Алессандро Канделори (которые владели землями к западу от Понте дела Бадиа, к северо-западу от Вульчи) и Мелькиаде Фоссати (который вложил свои деньги в предприятие) [Buganelli, 1991, p. 14]. Однако именно раскопки Люсьена и Александрины Бонапарт в итоге стали наиболее знаменитыми. Уже в первые два года на свет было извлечено около трех тысяч vaz [Gerhard, 1831, p. 5–218]. Как писал все тот же Джордж Деннис: «Другие, желавшие копать, объявились вскоре на той же ниве; каждый, кто владел землей поблизости, возделывал ее [желая] собрать [плоды] этого нового урожая, и все они весьма преуспели; Феоли, Канделори, Кампанари, Фоссати, все они обогатили и себя, и музеи Европы сокровищами из этих погребальных копей. С тех пор Принц или его вдова ежегодно производили раскопки в этом месте, и никогда [они не были] напрасными; и именно слава античного искусства вазописи, которую он тем самым явил свету и распространил по всей Европе, возможно, и сделала имя Люсьена Бонапарта столь хорошо известным, и, возможно, [в будущем именно это] и будут помнить в большей мере, чем его участие в [событиях] 19 Брюмера или советах его брата-императора» [Dennis, 1848, p. 407–408].

Итак, раскопки четы Бонапарт и других землевладельцев в окрестностях Вульчи стали сенсацией и началом новой волны интереса к античной археологии. Они начались в 1828 году, а в 1829 году был учрежден «Istituto di corrispondenza archeologica»

⁴ Здесь и далее – переводы с иностранных языков А.Е. Петраковой.

⁵ Винченцо Кампанари впервые приехал в Вульчи еще в 1825 году и с этого времени просил разрешения на раскопки у кардинала Пьетрофранческо Галлеффи (он занимал пост камерленго с 1824 по 1837 год [Mogoni, 1844, p. 59, 114–116, 196].

(впоследствии – Германский археологический институт в Риме), немедленно начавший публиковать результаты раскопок в многочисленных бюллетенях, ежегодниках и прочих изданиях («*Bullettino dell’istituto di Corrispondenza Archeologica*», «*Annali dell’Istituto di Corrispondenza Archeologica*», «*Monumenti inediti pubblicati dall’Istituto di corrispondenza archeologica*») [см. об этой организации: Michaelis, 1879; von Bothmer, 1987, p. 189–192; Sparkes, 2005; p. 58]. Предыдущая волна интереса к античной археологии пришлась на вторую половину XVIII века, когда раскопки происходили на юге Италии, особенно – в окрестностях Неаполя и Нолы. Этому способствовали не только сенсационные находки в Помпеях и Геркулануме, но и деятельность сэра Уильяма Гамильтона (1730–1803) – британского посла в Неаполе, который собрал две крупные коллекции античных расписных ваз и опубликовал их иллюстрированные каталоги, что привело к распространению моды на вазы по всей Европе [подробнее о его вазах и о нем см., например: Ramage 1990, p. 469–480; Jenkins, Sloan, 1996]. Однако к началу XIX века коллекционеры и знатоки стали опасаться, что «земля истощилась» и столь модные вазы более не будут найдены в желанных собирателями количествах. Раскопки в Канино, познакомившие мир в одночасье с несколькими тысячами произведений античной вазописи, не только опровергли эти опасения, но и стали стимулом для очередного витка моды на нее, предопределив для XIX века положение «золотого века коллекционирования ваз» [von Bothmer, 1983, p. 37] и «золотого века торговли вазами» [Nørskov, 2009, p. 63; Nørskov, 2002, p. 58–64]. Массовость находок в окрестностях Вульчи стала столь удивительным фактом, что раскопки там даже сопоставляли с будоражившими умы европейцев XVIII века раскопками в окрестностях Неаполя: «Вульчи – город, чье имя двадцать лет назад вряд ли кто-то помнил, но который теперь благодаря колоссальным сокровищам древности, которые он дал, стал превозноситься превыше любого другого города древнего мира, не исключая даже, в некоторых отношениях, Геркуланума или Помпей» [Braun, 1842, p. 39]⁶.

По мнению современных исследователей, столь сильный интерес со стороны семьи Бонапарт к извлечению из земли древностей был во многом обусловлен желанием поправить материальное положение, которое было плачевным после ссоры Люсьена со своим влиятельным братом [см., например: Buranelli, 1995, p. 83, 88–89; Nørskov, 2009, p. 67]. Экспонирование найденных древностей⁷ и их публикация осу-

⁶ Представляется весьма любопытным, что примерно в это же время, даже немного раньше – в 1810-е годы – «русскими Помпеями и Геркуланумом» провозглашаются Керчь и окрестности, а вазы из ранних раскопок Поля Дюбрюкса попадают в коллекцию вдовствующей императрицы Марии Федоровны [см. подробнее: Петракова, Букина, 2016; Bukina, Petrakova, 2019].

⁷ Первые 100 ваз были выставлены в Палаццо Валентини в Риме, еще 200 ваз – в Палаццо Габриэлли [Buranelli, 1995, p. 83, 88–89; Nørskov, 2009, p. 67]. В августе 1829 года в Палаццо Габриэлли было перевезено более 2000 ваз (плоды первого сезона раскопок) [Halbertsma, 2003, p. 108, 150; Buranelli, 1995, p. 143–170]. Потом вазы выставлялись в резиденции Бонапартов в Мизиньяно: «...in 1830 everything was moved to Bonaparte’s residence in Misignano. Here he exhibited the finds in five galleries: the first containing

Петракова А.Е. Вазы из ранних раскопок...

шествовались, таким образом, для привлечения внимания к предполагавшимся к продаже вазам – со стороны археологов, дилеров, коллекционеров, т.е. потенциальных покупателей, которые были заинтересованы в приобретении товара подобного типа как лично для себя, так и для последующей перепродажи⁸.

К сожалению, Люсьеном Бонапартом было опубликовано менее 10 % находок первых двух лет: сто ваз на французском [Bonaparte, 1829a] и двести – на итальянском [Bonaparte, 1829b]. В сумме – меньше трехсот, поскольку некоторые вазы вошли в оба каталога. Эти два каталога могут быть дополнены информацией из архивных документов [Buranelli, 1995, p. 81–218] и публикаций современников Люсьена, среди которых, в первую очередь, следует назвать немецкого археолога, одного из основателей археологического института в Риме – Эдварда Герхарда (1795–1867) [Gerhard, 1830; Gerhard, 1831, p. 5–218]. Нас интересуют именно ранние раскопки, имевшие место всего лишь в течение первых лет: именно на этом этапе, до 1832 года, в них принимал активное участие сам Люсьен Бонапарт. Первый этап активных раскопок охватывал достаточно длительный период с октября 1828 по декабрь 1829 года. С перерывами и с переменным успехом раскопки продолжались и в последующие годы: между 1831 и 1834 годами они предпринимались периодически; за этим последовал небольшой перерыв, а с 1837 по 1846 год раскопки приобрели регулярный характер. За исключением наиболее раннего периода делами в основном занималась Александрина. Раскопки сопровождалась постоянными распродажами ваз – поссорившемуся с братом Люсьену надо было содержать семью. После смерти супруга в 1840 году Александрина продолжила заниматься не только раскопками, но и распродажами [подробнее об этом см., например: Buranelli, 1995; Nørskov, 2002, p. 58–60, 90–92; Nørskov, 2009, p. 68–75].

Раскопки четы Бонапарт в Канино были столь резонансным явлением, что о них вспоминали, в том числе в России (спустя более чем 20 лет после их начала), в частности – в связи с вопросом о цене на вазы. Например, Флориан Жиль в 1851 году, пытаясь отсоветовать покупать для Эрмитажа вазы у наследниц графини Лаваль, аргументировал свою точку зрения, ссылаясь не в последнюю очередь на раскопки Бонапартов и изменения на антикварном рынке, произошедшие в результате этих раскопок: *«266 различных ваз [...] могли иметь 25 или 30 лет тому назад большую ценность, но ценность эта весьма ныне понизилась и таковое понижение цены этих ваз объяснено значительными открытиями, сделанными в Апулии [...] и в осо-*

gravestones, the second about 400 bucchero vases and the content of tomba del tripode votive, the third a selection of 400 figure-decorated vases divided according to mythological subjects, the fourth bronzes, and the fifth 300 Attic vases» [Nørskov, 2009, p. 60].

⁸ Собрав красивую коллекцию или же купив битую вазу, восстановив ее форму и декор при помощи новодельных элементов, дилеры могли продать все это значительно дороже, чем приобретали, и, таким образом, получить материальную выгоду – этим промышляли многие коллекционеры и реставраторы в Риме первой половины XIX века [см., например: Coulié, Petrakova, 2018], впрочем, как и в Неаполе во второй половине XVIII века.

бенности в древней Этрурии (Вульчи и других местах). Принцесса Канино продала королю Людовику Баварскому⁹ прекраснейшие весьма большие вазы, за которые не была заплачена 10-я часть цены, которую бы потребовали 25 лет тому назад» [см. подробнее: Петракова, 2013, с. 62–63, ил. 4].

Одним из наиболее интересных для исследователей является именно вопрос о распродаже ваз из раскопок четы Бонапарт. Он, в свою очередь, влечет за собой проблему выявления этих ваз в коллекциях современных музеев. «Прекраснейшие вазы куплены Папой для Григорианского музея или нашли свой путь в зарубежные страны, ведь Принцесса имеет агентов во многих столицах Европы», – отмечал в 1848 году Дж. Деннис [Dennis, 1848, p. 433]. В 1987 году Дитрих фон Ботмер писал, что вазы Бонапарта есть в музеях Парижа, Лондона, Берлина, Мюнхена, Лейдена [Bothmer, 1987, p. 192-193]¹⁰, но не упоминал Петербург. В 1995 году Франческо Буранелли связал с раскопками в Канино две вазы, хранящиеся в Санкт-Петербурге [Buranelli, 1995, p. 123–124]. Нам же к настоящему моменту удалось выявить более ста таких ваз, попавших в разные годы в коллекцию Эрмитажа. Воистину права Винни Нёрсков, в 2009 году написавшая: «Изучение того, как разошлась по миру коллекция Люсьена Бонапарта, – история долгая, до сих пор еще полностью не изученная... Мы не должны, однако, недооценивать значение изданий той эпохи ... публикации с описанием найденных ваз, которые мы можем использовать для идентификации потерянных ваз сегодня – работа, все еще приносящая плоды» [Nørskov, 2009, p. 75].

Хотя античная скульптура появилась в России уже при Петре I [см., например: Андросов 2013], российские монархи на протяжении XVIII века не проявляли интереса к античным расписным вазам; в коллекции Екатерины II имелось, правда, несколько акварелей с их изображениями [см., например: Bukina, Petrakova, Phillips, 2013, p.53-54, fig. 37]. Несколько десятков античных ваз было в собрании Марии Фёдоровны в Павловске – она привезла их из Гран-тур, который осуществила вместе со своим супругом Павлом Петровичем в 1781-82 годах [см. о них подробнее: Букина, Петракова, 2012, с. 100–130; Петракова, Букина, 2016, с. 121–133; Bukina, Petrakova, 2019]. В Эрмитаже первые вазы появились лишь в XIX веке: в 1816 году Александр I получил несколько весьма скромных по размеру и декору ваз в качестве дипломатического подарка [Bukina, Petrakova, Phillips, 2013, p. 55, fig. 39]. С конца 1820-х годов в Эрмитаж стали поступать вазы из раскопок на Юге России [у Марии Федоровны они появились даже раньше, см.: Петракова, Букина, 2016; Bukina, Petrakova, 2019]. Крупные же вазовые коллекции были приобретены лишь в правление Николая I и Александра II: более тысячи ваз Джузеппе Антонио Пиццати в 1833–34 гг. [Bukina,

⁹ По-видимому, имеется в виду событие, произошедшее в 1841 году: «Only after the collection was exhibited in Frankfurt in 1841 were 51 of the objects bought by Wilhelm Thiersch for the Bavarian King Ludwig I for the price of 1050 luigi» [Nørskov, 2009, p. 72; Buranelli, 1995, p. 104].

¹⁰ Ему вторит Брайан Спарк: «Those European museums that had benefited from the sale of the vases from Vulci and other cites... – museums in London, Munich, Paris, Berlin, the Vatican» [Sparkes, 2005, p. 61].

Петракова А.Е. Вазы из ранних раскопок...

Petrakova, Phillips, 2013, p. 65–82; Букина, 2015, с. 180–202], более двух с половиной сотен ваз графини Александры Григорьевны Лаваль в 1851–52 гг. [Петракова, 2013, с. 57–73; Bukina, Petrakova, Phillips, 2013, p. 83–101] и 565 (или 566) ваз из знаменитой коллекции Джованни Пьетро Кампана в 1861 году [Петракова, 2012, с. 181–193; Bukina, Petrakova, Phillips, 2013, p. 105–154; Петракова, Филлипс, 2019]. Именно они составили ядро эрмитажной вазовой коллекции. Собрания ваз, поступившие в музей в более позднее время, были гораздо меньше.

Раскопки Люсьена Бонапарта в Канино начались в 1828 году. Безусловно, мы исключаем из сферы поисков эрмитажные вазы, найденные на Юге России, а также полученные представителями императорской семьи до 1828 года. Также мы исключаем коллекцию графини А.Г. Лаваль, хотя она и поступила в Эрмитаж в 1852 году. Как нам удалось установить, эти вазы ранее находились во владении генерала Николая Федоровича Хитрово, который в 1812 году вверил свою коллекцию заботам Алексея Николаевича Оленина и оставил ее вместе с рукописной «Описью древним вазам...» в Императорской публичной библиотеке, стало быть, его коллекция была собрана до 1812 года, хотя и попала в Эрмитаж спустя несколько десятилетий [Петракова, 2013, с. 57–73; Bukina, Petrakova, Phillips, 2013, p. 83–101; Букина, Петракова, 2019]. Все прочие коллекции, поступившие в Эрмитаж после 1828 года, вполне могут содержать вазы, происходящие из раскопок в Канино, и к настоящему моменту нам удалось выявить весьма разнообразные источники поступления найденных в Канино ваз в Эрмитаж как в XIX, так и в XX столетии.

Длинный и извилистый путь античных расписных ваз из рук Люсьена Бонапарта в руки сотрудников Эрмитажа не всегда получается проследить во всех его пунктах и во всех деталях. На этом пути вазы проходили через руки разных дилеров и коллекционеров, иногда меняя владельцев по несколько раз. К настоящему моменту мы не можем назвать точное число, но можем утверждать, что в Эрмитаж поступило *более ста ваз, происходящих именно из ранних раскопок в Канино, в том числе – ранних раскопок Люсьена Бонапарта*, когда он принимал в них непосредственное участие. Около десятка из этих ваз впоследствии было передано в другие музеи России и бывших республик СССР, так что не только Эрмитаж может стать полем для поисков ваз Бонапарта на территории бывшего Советского Союза.

Источники информации для исследований – это разнообразные тексты, свидетельствующие о том, что та или иная ваза найдена в Канино, а также сами вазы, которые можно сравнить с описаниями в публикациях, сделанных как лично Люсьеном Бонапартом, так и его современниками.

Вазы Бонапарта попадали в Эрмитаж как в составе коллекций, так и поодиночке. Примером вазы, попавшей в Эрмитаж в виде одиночного поступления, может служить краснофигурный аттический килик, т.е. чаша для вина (инв. Б.2009)¹¹. Снаружи он не имеет декора, а внутри украшен медальоном, в котором представлен борода-

¹¹ Килик датирован примерно 500–490 гг. до н.э. и атрибутирован так называемому Мастеру Эпидрома

тый мужчина в плаще, опирающийся левой рукой на палку; правой рукой он держит за уши пойманного им зайца. За мужчиной представлена охотничья собака, которая делает на зайца «стойку». Левее мужчины на черном поле медальона килика сделана надпись: «EPIDROMOS KALOS», т.е. «Эпидром прекрасен» (ил. 3).

Мы распознаем этот килик по описанию и по размерам во французском каталоге раскопок Люсьена Бонапарта за 1828–29 годы¹² под номером 1425: «№ (1425). Охотник. Чаша с желтыми фигурами; диам. 10 унций¹³; высота фигур 5 унций. Кавалупо, фам[илия] Минука, март 1829. Внутри молодой задрапированный мужчина держит зайца за уши: борзая у его ног. Надпись № 1425. [EPIDROMOS KALOS]. Снаружи – не расписано» [Bonaparte, 1829a, p. 125, Nr 1425].

В итальянском каталоге ваз Люсьена Бонапарта эта же чаша описана в части два под номером 60 [по поводу того, как эти два каталога были связаны с демонстрацией ваз, см.: Buranelli, 1995, p. 88–89]: «Охотник. 60. Чаша с желтыми фигурами – диаметр 10 унций, размер фигур 5 унций. Снаружи без живописи. Внутри задрапированная фигура с гончей у ног, держащая правой рукой за уши зайца, который свисает вниз. Не хватает кусочка. Кавалупо – Сем[ья] Монука, Март 1829. Надпись: EPIDROMAS KALOS» [Bonaparte, 1829b, part II, p. 117, no 60]. Здесь описание более точное, например, указано, что мужчина держит зайца именно в правой руке. Более точно воспроизведена и надпись: скорее «ЭпидромАс», чем «ЭпидромОс» – так же, как и на самом килике. Этот килик был включен в публикацию Эдварда Герхарда под названием ‘Rapporto volcente’ [Gerhard, 1831]¹⁴, однако его изображение отсутствует среди рисунков из так называемого «Аппарата Герхарда» [об исследованиях рисунков из «Аппарата Герхарда» в связи с вазами из Канино см.: Constantini, 1998, p. 203–438] или же рисунков, опубликованных им в его трудах, в отличие от другой чаши, декорированной аналогичной сценкой и надписью [см.: Gerhard, 1858, S. 49, Taf. CCLXXVI.5]; эрмитажная чаша не встречается в более поздних каталогах распродаж ваз Люсьена Бонапарта.

В 1888 году этот килик был приобретен для Императорского Эрмитажа за 5 рублей 75 копеек (об этом имеется запись в «Инвентаре отделения греческих и римских древностей Гос. Эрмитажа», том 2) у археолога и нумизмата Алексея Константиновича Маркова (1858–1920), который с 1888 года начал работать в Эрмитаже [см. соответствующие записи в описях, инвентарях; см. также: Передольская, 1967, с. 5–6, 21–22].

(впоследствии отождествлен с ранней фазой Аполлодора) [Corpus Vasorum Antiquorum, Attic Red-Figure Drinking-Cups, Russia fascicule XII, Russia fascicule V, Roma, 2007, p. 27–29, pl. 17.1-2, 18.1-2].

¹² Предположение об этом было высказано еще А.А. Передольской в каталоге 1967 года с опорой на публикацию О.Ф. Вальдгауэра 1921 года [Передольская, 1967, с. 21].

¹³ Здесь и далее измерения приведены в мерах, которыми пользовались в XIX веке [см. о них, например: Букина, 2016; Петракова, Калинина, 2016].

¹⁴ Отождествление соответствующего номера в публикации Герхарда с эрмитажным киликом было сделано Франческо Буранелли в его статье 1995 года: ‘Rapporto volcente, 220, MCCCXXV – ‘San Pietroburgo’ [Buranelli, 1995, p. 124].

Петракова А.Е. Вазы из ранних раскопок...

В хранящемся в Отделе античного мира Государственного Эрмитажа «Инвентаре от- деления греческих и римских древностей» рядом с записью о поступлении килика от Маркова есть карандашная приписка: «*General Ellis im Moscau, vente*» [*генерал Эллис в Москве, покупка*]¹⁵. В данный момент мы работаем над прояснением вопро- са по поводу генерала Эллиса и того, как килик попал к нему. Почти 60 лет, кото- рые прошли от момента находки килика в марте 1829 года в Канино до времени его поступления в Эрмитаж, не кажутся слишком долгим сроком: другой эрмитажный килик, как удалось недавно выяснить, был «в пути» 120 лет и сменил по дороге в Эрмитаж как минимум пять(!) владельцев (а может быть, и больше) [см.: Петракова, 2014, с. 127–133, ил. 17–20].

Вазы из ранних раскопок Люсьена Бонапарта также обнаружены нами в составе коллекции Александра Агеевича Абазы (1821–1895) – небольшом собрании из 24-х ваз, которое его вдова в 1901 году продала в Эрмитаж [подробнее см.: Петракова, Калинина, 2016, с. 68–85]. В эрмитажных публикациях зафиксировано предание о том, что, по крайней мере, одну из этих ваз Абаза выиграл в карты у Александра Гурьева, который, в свою очередь, унаследовал коллекцию Николая Гурьева. Так, в эрмитажном каталоге за авторством А.А. Передольской написано: «*Нам не удалось выяснить, где и как собирал А.А. Абаза свою коллекцию. Исключение представляет только знаменитая “Ваза с ласточкой”, которая когда-то находилась во владении графа Н.Д. Гурьева (1792–1849), бывшего послом в Гааге, Неаполе и Риме, где он, очевидно, и приобрел эту вазу. После его смерти коллекция ваз перешла по наслед- ству к А.Д. Гурьеву¹⁶, председателю департамента экономии при Государственном Совете. В том же ведомстве работал и А.А. Абаза, которому А.Д. Гурьев проиграл в карты “Вазу с ласточкой”. Не исключена возможность, что и некоторые дру- гие вазы из коллекции А.А. Абаза были тогда же выиграны вместе с этой вазой у А.Д. Гурьева*» [Передольская, 1967, с. 6]¹⁷. Факт находки ваз Бонапарта в коллек- ции, ранее бывшей в руках Николая Гурьева, не вызывает особого удивления: Николай Дмитриевич Гурьев занимал должность российского посла в Риме с 1832 по 1837 год, то есть как раз в тот период, когда Люсьен и Александрина активно вели раскопки и распродажи найденных ваз, а вазы были модным предметом для коллекционирова- ния. Принц и Принцесса Канино в конце 1820-х годов предлагали свои вазы покупа- телям в Риме, а в 1830 году попросили разрешение на вывоз за границу (в 1834 году состоялась первая распродажа их ваз в Париже) [Buranelli, 1995, p. 99–111; Nørskov, 2009, p. 68]. Кроме того, и Бонапарты, и другие копавшие в Канино землевладельцы активно сотрудничали со знатоками, дилерами и реставраторами, через которых вазы и их коллекции находили своих покупателей и среди итальянцев, и среди приезжав-

¹⁵ Ср.: «[Чаша] куплена им [А.К. Марковым] на аукционе в Москве» [Передольская, 1967, с. 21].

¹⁶ Александр Дмитриевич Гурьев (1785–1865) – старший брат Николая Дмитриевича Гурьева (1789–1849).

¹⁷ См. также: «*В этом же ведомстве работал и А.А. Абаза – государственный контролер и министр финансов, который и выиграл “Вазу с ласточкой” в карты, а, возможно, и все остальные прекрасные вазы, которые в 1901 г. поступили в Эрмитаж после смерти А.А. Абаза*» [Передольская, 1967, с. 23].

ших в Рим иностранцев, которые потом вывозили их к себе на родину: «Каталоги и рисунки с изображениями ваз рассылались друзьям и коллекционерам, но трудно судить, что было в действительности продано в этот период. Частные распродажи организовывались через Джеймса Миллингена и через Эдварда Герхарда в Институте археологической корреспонденции с привлечением дилеров Басседжио и Деполетти в качестве посредников» [Nørskov, 2002, p. 90-91].

Одна из ваз, находившаяся некогда в собрании А.А. Абазы, а ранее, возможно, в собрании Н.Д. Гурьева, – это краснофигурная амфора (ГЭ, Инв. Б.2351) [Передольская, 1967, с. 25–26, кат. 18], украшенная изображением гидры на дереве на одной стороне и стреляющего в нее из лука Геракла – на другой (ил. 4) [подробно эта ваза рассмотрена в отдельной публикации: Петракова, Калинина, 2016, с. 76–84]. Амфора узнается в номере 1709 из французского каталога «Этрусского музея Люсьена Бонапарта»: «*Большая ваза целая с двумя ручками, фигур[ур] желтые. Выс. 2 пальмы и S; окружность 4 пальмы, высота фигур 1 пальма 2 унции. Кукумелла, сем[ья] Арусания, апрель 1829. На первой картине Геракл, покрытый львиной шкурой и вооруженный луком и колчаном, собирается пустить стрелу. Надпись № 1709 [HERAKLES]. На другой стороне – гидра с двойным хвостом и семью головами обвилась вокруг дерева*» [Bonaparte, 1829a, p. 157, Nr 1709]. Описание в каталоге ваз Люсьена Бонапарта достаточно подробное и полностью соответствует тому, что собой представляет эрмитажная амфора; надпись на вазе также прекрасно соответствует надписи, представленной в каталоге 1828 года. Правда, на ножке эрмитажной амфоры имеется граффито, а в публикации ваз из коллекции Бонапарта граффито не описано. Вполне возможно, что его забыли упомянуть (некоторое количество таких случаев было выявлено уже при публикации каталога, и коррективы были внесены на дополнительном листе) или же граффито могло быть сделано позже с целью повышения стоимости вазы¹⁸ – этот вопрос требует дальнейших исследований. Замечу, что в итальянском каталоге коллекции Бонапарта этой вазы нет (в отличие от описанного выше килика Маркова, который есть в обоих каталогах).

Другая ваза из собрания А.А. Абазы, а до этого – из собрания Николая Гурьева – это краснофигурная пелика (ГЭ, Инв. Б.2352) [Передольская, 1967, с. 22-23, кат. 16], на которой изображены на одной стороне – два борющихся обнаженных юноши, а на другой – мужчина, юноша и мальчик, обсуждающие летящую ласточку [подробнее об идентификации вазы и исследованиях ее реставрации см.: Петракова, Калинина, 2016, с. 68–76]. В своих публикациях Эдвард Герхард аттестовал эту вазу как найденную в Вульчи в 1833 году; он также отметил, что в 1835 году эта ваза уже была в руках Гурьева, к которому она попала из мастерской реставратора и дилера Франческо Деполетти (1779–1854) [подробнее о Ф. Деполетти см., например: Neils,

¹⁸ Ср., например, размышления Дж. Неилс по поводу надписи «сделал» ('eroiesen') на ножке гидрии: «when... inscriptions were of intense interest of scholars. As a trained artist, antiquarian and conservator of vases, Francesco Depoletti... himself could have manufactured the signature» [Neils, 2002, p. 241, pl. 64a].

Петракова А.Е. Вазы из ранних раскопок...

2002; Bernard, 2008, p. 79–84; Milanese, 2014, p. 109–114], причем в январе 1834 года она все еще была в его мастерской [см.: «Bullettino dell’Istituto di Corrispondenza Archeologica per l’anno 1834», p. 12; «Archaeologisches Intelligenzblatt» no. 14 (1833), p. 105–106], т.е. реставрация вазы и ее последующая продажа случились примерно через год, после того, как она была найдена во время археологических раскопок – аналогичная история могла случиться и с амфорой с Гераклом и гидрой. Как уже было сказано, помимо Люсьена и Александрины Бонапарт, в Канино копали Канделори, Феоли, Кампанари и др., все они сотрудничали с римскими реставраторами и дилерами (в том числе – с Франческо Деполетти), а также реставрировали вазы самостоятельно, как, впрочем, и чета Бонапарт. Обе вазы из собрания Гурьева-Абазы искусно реставрированы; именно в реставрированном виде их и продавали в Риме, отмечая в каталогах, что ваза «целая», и воспроизводя ее именно как целую, если каталог был иллюстрированный [подробнее об их реставрации см.: Петракова, Калинина, 2016]. Реставрация была непременным условием успешной продажи – это отмечали многие, в том числе Дж. Деннис еще в 1848 году, описывая посещение резиденции Бонапартов в Мизиньяно: «Лишь немногие вазы в кабинете Принцессы были таковы, что не годились для продажи по причине их несовершенного состояния. Большая часть этой керамики была найдена во фрагментах, которые были скреплены друг с другом художником, состоящим на жалованье у Принцессы. Восстановленные таким образом предметы не являются неходовыми, да и стоимость их существенно не уменьшается в том случае, если сами росписи не пострадали; и даже если они несовершенно, если утраты не настолько велики, чтобы разрушить всю красоту и смысл росписи; или если это так, но утраченное может быть легко восстановлено при помощи умелого карандаша, [во всех этих случаях] ваза сильно не обесценилась... Настолько искусны некоторые из этих реставраторов, что они делают несовершенные вазы совершенными, так, что почти обманывают [своим искусством даже] лучших судей. Швы иногда можно обнаружить только при помощи аква фортис [«крепкая водка», т.е. азотная кислота – А.П.]» [Dennis, 1848, p. 433-434].

В Эрмитаже также имеются вазы Люсьена Бонапарта, попавшие в музей уже после Октябрьской революции 1917 года, то есть почти сто лет спустя после начала раскопок в Вульчи. Например, один краснофигурный килик (ГЭ, Инв. Б.3385)¹⁹ (ил. 5) попал в Эрмитаж в 1924 году; по информации из описи [опись ваз Отдела античного мира № Б1-Б4509, разв. 476], инвентаря [Инвентарная книга отделения Древней Греции и Рима, шифр ГР, том III, разв. 45], а также описной карточки, хранящихся в Отделе античного мира Государственного Эрмитажа, ранее он находился в музее бывшего Училища технического рисования барона Штиглица, а училищу он был подарен в 1886 году [Передольская, 1967, с. 15–16, кат. 7]. Мы узнаем килик в опи-

¹⁹ Об атрибуции и датировке килика см.: Передольская, 1967, с. 15–16, кат. 7. Corpus Vasorum Antiquorum, Attic Red-Figure Drinking-Cups, Russia XII, The State Hermitage Museum V, Rome, 2007, p. 18–20. Pl. 8.1–2, 9.1–2, 10.1–2.

сании № 1116 из французского каталога музея Люсьена Бонапарта²⁰ (но в итальянском каталоге и в «Rapporto volcente» Герхарда его нет): «(1116). Чаша целая с желтыми фи[гурами]; диам. 18 унций; высота фи[гур] 8 унций. Кавалупо, сем[ья] Ранута, февраль 1829. Внутри обнаженный юноша верхом на [винном] мехе. Вокруг надпись № 1116 [КА..ОS..НО...АIS]. Снаружи десять обнаженных фи[гур], держат в руках амфоры и рога изобилия. Надпись вокруг ножки. № 116 [sic!]bis [ΠΑΝΦΑΙΟΣ ΕΠΟΕΣΕΝ]» [Bonaparte, 1829a, p. 103, Nr 1116]. Как и в описанных выше случаях, формулировка «целая» («complète») подразумевает не то, что ваза не была разбитой, когда ее выкопали, а то, что ее форма была восстановлена реставраторами до целой, завершенной²¹; реставрация, когда все швы маскировались, а утраты рисунка дорисовывались художником XIX века, считалась «хорошей»; плохо склеенные вазы с незамаскированными швами не нравились покупателям [см., например: Plautine, 1937, p. 27-38; Nørskov, 2009, p. 73]. На описной карточке на вазу имеется следующая информация: «с 10.XII по 25.XII [19]57 г. произведена расчистка рисунка от новых записей. При расчистке клик во многих местах расклеился. С 1.VIII. по 15.V.[19]58 г. находился в ОРК – склейка».

Работа по идентификации ваз из ранних раскопок в Канино с вазами в собрании Государственного Эрмитажа неразрывно связана с работой по исследованию истории коллекций: сведения о времени поступления вазы в Эрмитаж и ее более раннем бытовании не должны вступать в противоречие с известными нам датами раскопок в Канино. Провенанс оказывается весомым аргументом в том случае, если на место среди ваз Люсьена Бонапарта претендуют две похожие друг на друга античные вазы из разных музеев²². Например, краснофигурный стамнос со сценой прощания воина с семьей (ГЭ, инв. Б.1148, St.1428) [Bukina, Petrakova, Phillips, 2013, fig. 74; здесь и далее ‘St.’ – это номер по каталогу Стефани: Stephani, 1869], хранящийся в Эрмитаже, очень похож на аналогичную вазу в Собрании древностей в Мюнхене (Инв. 2415, K382) [CVA, München, Museum Antiker Kleinkunst 5, S. 41–42, Taf. 256.1, 257.1–2, 258.1–3]. Обе эти вазы прекрасно подходят под описание стамноса номер 769 из

²⁰ В публикации 1995 года Франческо Буранелли по поводу номера 1116 из французского каталога ваз Бонапарта сказано: ‘San Pietroburgo’ [без указания инв. номера] [Buranelli, 1995, p. 123]. В каталоге А.А. Передольской об этой чаше среди прочего сказано: «Ранее находилась в собрании Канино. Найдена в Вульчи», а в библиографии в разделе «Упомянута» среди прочего есть сноска: «Canino Museo Etrusco, № 1116» [Передольская, 1967, с. 16].

²¹ См. подробнее о специфике этих реставраций и о том, как их описывали в каталогах, например: Букина, 2015; Bukina, 2017. По поводу итальянских реставраций ваз конца XVIII – первой трети XIX века, целью которых было максимальное восстановление целостности формы и рисунка путем доделок, критически высказывались уже современники. См., например, высказывание Томаса Бёргона в письме к другу по поводу находки в 1831 году: «I washed and joined the fragments myself, with the greatest care in Athens. The Vase was never out of my possession, and has not been restored, in the *italian* [sic] sense of the word; the inscription is, therefore, in every respect genuine» [Corbett, 1960, p. 52–60].

²² Хотя античные расписные вазы мастера лепили и расписывали вручную, среди них (хоть и не часто) встречаются очень близкие аналогии, когда совпадают форма, размер, декор.

Петракова А.Е. Вазы из ранних раскопок...

французского каталога музея Люсьена Бонапарта 1828–29 гг. Однако эрмитажный стамнос происходит из коллекции графини А.Г. Лаваль, а, как уже говорилось, хотя эта коллекция и была приобретена после смерти графини у ее дочерей в 1851–1852 гг., нам известно, что вазы Александры Григорьевны ранее принадлежали генералу Н.Ф. Хитрово, а он после 1812 года не пополнял коллекцию. Таким образом, исследование провенанса позволяет с уверенностью сказать, что именно мюнхенский стамнос следует отождествить со стамносом из собрания Люсьена Бонапарта [идентифицирован Ф. Буранелли: Buranelli, 1995, p. 140], поскольку эрмитажный стамнос был извлечен из земли гораздо раньше, чем начались раскопки в Канино. Другим примером может служить эрмитажный лаконский килик с изображением в медальоне всадника (ГЭ, инв. Б.5, St.183). Этот килик похож на тот, который хранится в Лувре в Париже (инв. Е 665) [CVA, Paris, Louvre 1, p. 4, pl. 3.10, 4.3], оба они подходят под описание номера 60 из каталога распродажи ваз из Канино, датированного 1845 годом [Bonnafons Delavialle, 1845, Nr 60]. Эрмитажный килик попал в музей при передаче коллекции ваз из Императорской Академии художеств, которая состоялась к открытию Нового Эрмитажа в 1852 году; в Академию же килик попал в составе коллекции Пиццати, купленной императором в 1833–34 гг. Хотя в рукописном каталоге этой коллекции о килике сказано, что он найден в Канино, это не тот килик, который описан в каталоге распродажи ваз из Канино 1845 года, а другой, найденный там до 1833 года. В каталоге же 1845 года описан килик, ныне хранящийся в Лувре [идентифицирован Ф. Буранелли: Buranelli, 1995, p. 140].

Помимо каталогов Люсьена Бонапарта, важным источником сведений о вазах из ранних раскопок в Канино являются упоминавшиеся выше публикации Эдварда Герхарда. В 1830 году вышла из печати его работа, посвященная панафинейским амфорам, найденным во время раскопок в Вульчи [Gerhard, 1830]. Панафинейские амфоры – одна из разновидностей аттических чернофигурных амфор. Наполненные оливковым маслом, они служили призом за победу в спортивных состязаниях, проводившихся в античных Афинах. На одной стороне таких ваз изображалась богиня Афина в боевом облачении, на другой – тот вид состязания, призом за победу в котором должна была стать ваза. Рядом с изображением Афины надпись: «TON ΑΘΕΝΕΘΕΝ ΑΘΛΟΝ», которая переводится как: «награда из Афин» [см., например: Галанина, 1962; Алексинский 2013, с. 109–118].

В работе Герхарда мы узнаем еще одну эрмитажную вазу – панафинейскую амфору (ГЭ, Инв. Б.4262) [Горбунова, 1983, с. 129–130, кат. 95], на одной стороне которой представлена Афина с эмблемой в виде белого скорпиона на щите, а на другой – четыре бегуна (ил. 6). Эрмитажная амфора узнаваема в описании вазы № 12 в работе Герхарда: «12. Ваза 1341 принца Канино, высотой в две ладони, представляет на щите Минервы эмблему в виде скорпиона, на оборотной стороне [вазы] пешая гонка четырех мужчин» [Gerhard, 1830, p. 223, Nr 12]. Этой вазы нет ни в напечатанных каталогах ваз Люсьена Бонапарта, ни в архивных документах, опубликованных Ф.Буранелли [см.: Buranelli, 1995, p. 143–218]. Хотя в работе Герхарда упоминаются

вазы из разных раскопок, но именно та ваза, которую мы идентифицируем с эрмитажной, аттестована как «ваза принца Канино».

Эта амфора записана как ваза из собрания Черткова в эрмитажной описи [опись ваз Отдела античного мира № Б1-Б4509, разв. 513] и в эрмитажных инвентарях [инвентарная книга Отделения Древней Греции и Рима, шифр ГР, том III, разв. 118-119; предыдущим номером в этой книге записана мраморная голова с поступлением из собрания Мордвинова – возможно, это имеет какое-то отношение к получившейся путанице], с этими же данными она опубликована в музейном каталоге 1983 года: «Пост. в 1928 г. из собр. А.Г. Черткова» [Горбунова, 1983, с. 129]. Также в Отделе античного мира имеются стеклянные негативы первой трети XX века. На одном из негативов с воспроизведением этой амфоры имеется надпись: «Ваза Собрания Мордвинова, сданная из Музейного Фонда на хранение в Эрмитаж»; негатив датирован июлем 1919 года. «Мордвиновской» эта амфора именуется и в статье А.И. Пиотровского, опубликованной в 1924 году [Пиотровский, 1924, с. 81–105]. На хранящейся в Отделе античного мира описной карточке на эту вазу в графе «происхождение» написано: «Собр. Мордвинова – [А.Г. – добавлено другими чернилами и другим почерком] Черткова, Хр. № 55/8, 17.VI.1919», ниже имеется приписка другими чернилами и другим почерком: «из Музейного фонда», в графе «год поступления» значится «1928». Понять природу этой путаницы довольно затруднительно, все, что мы можем сказать: эта амфора была найдена в Канино в период ранних раскопок Люсьена Бонапарта. По-видимому, в свое время ею владел московский интеллектуал и общественный деятель (а также археолог, историк, нумизмат) Александр Дмитриевич Чертков (1798–1858); в 1888 году в Эрмитаж от его сына – Григория Александровича Черткова поступила коллекция vaz²³. Мы не знаем, получится ли когда-нибудь проследить путь вазы от принца Канино до Эрмитажа и выяснить, кем были предыдущие владельцы вазы, но, как и в случае с киликом Маркова или киликом из музея Штиглица, эта амфора попала в Эрмитаж много десятков лет спустя после того, как она была найдена во время раскопок в Канино.

Крайне любопытно, что на фото 1919 года ваза представлена с доделками, которые, по-видимому, должны были сделать ее «наряднее» с точки зрения ее владельца (ил. 7). Ажурные дополнения из металла украшают венчик и ножку амфоры. На описной карточке на вазу в разделе «Примечания» по этому поводу сказано следующее: «Оправа медная, см. акт от 14 июля 1949 г. (время Николая I). [Амфора] реставрирована, оправа снята, [ваза] возвращена 11.II.1980». В ходе реставрации 1980 года с амфоры была смыта и новодельная надпись, см. запись там же: «Реставрирована заново. Надпись оказалась ложной. На стороне А был выявлен черепок от другого

²³ См., например: Передольская, 1967, с. 5-6 («В... 1888 году в Эрмитаж поступили... от Г.А. Черткова, принесшего в дар Эрмитажу восемьдесят две вазы»); Горбунова, 1983, с. 6. В инвентарях, описях и архивных документах есть записи о поступлении в 1888 году коллекции vaz Черткова (количество в разных документах варьируется от 76 до 81-82-х); также в записях о поступлении уже после революции 1917 года через Музейный фонд можно насчитать до 6 vaz, рядом с которыми написано «из собрания Черткова».

Петракова А.Е. Вазы из ранних раскопок...

сосуда. Снята оправа. II.1980». Судя по фотографии, это была стандартная для панафинейских амфор надпись: «TON AΘENEΘEN AΘΛON», т.е. «награда из Афин». Она располагалась в нужном месте и была выполнена вполне грамотно, что не удивительно, поскольку такие надписи были неоднократно опубликованы, в том числе – в названной работе Герхарда о панафинейских амфорах [см., например: Nørskov, 2009, p. 70: «and if the inscription was readable, then 500 francs should be added», т.е. вазы с надписями оценивались дороже]. По-видимому, надпись скопировали с другой панафинейской амфоры или же с иллюстрации в одной из публикаций с целью повышения ценности вазы, очень возможно, это было сделано в Италии, при подготовке вазы к продаже – подобная практика существовала.

Кстати, помимо ваз Люсьена Бонапарта, в Эрмитаже удалось выявить и вазы, происходящие из раскопок и других подвизавшихся в Канино искателей древностей. Примером может служить панафинейская амфора (ГЭ, инв. Б.1509, St. 76), которую мы узнаем в описании у Герхарда: «№ 16. Ваза общества Канделори, на щите Минервы изображена змея, на оборотной стороне группа борцов, сопровождаемых двумя агонотетами» [Gerhard, 1830, p. 220]. Эта амфора поступила из собрания Пиццати и описана в рукописном каталоге Гарджуло, созданном не позднее 1833 года, как происходящая из Канино [Gargiulo, 1833(?), cat. I.222].

Итак, найденные в конце 1820-х – начале 1830-х годов Принцем Канино (а также и другими землевладельцами) вазы попадали в Эрмитаж разными путями, иногда – несколько десятков лет спустя. Однако самая большая партия этих ваз была привезена в Россию в 1833 году в составе коллекции доктора медицины и хирургии кавалера Джузеппе Антонио Пиццати (сер. 1770 – сер. 1840-х?). Эта коллекция, перипетии биографии ее владельца, а также ее рукописный каталог, хранящийся в архиве Государственного Эрмитажа, были подробно изучены научным сотрудником Отдела античного мира А.Г. Букиной [Bukina, Petrakova, Phillips, 2013, p. 65–82; Букина, 2015]. Напомню лишь некоторые ключевые моменты из этой истории, важные в свете настоящего исследования. Современники аттестовали Пиццати как выдающегося собирателя древностей, особенно расписных ваз; он был членом Археологического института в Риме; помимо коллекции, проданной им российскому императору, он собирал и другие. Коллекция, доставшаяся в итоге российскому императору, насчитывала 1413 предметов (глиняные вазы, бронзы, терракотовые фигурки, алебастровые и стеклянные сосуды). Перед тем как Пиццати получил разрешение вывезти за пределы Королевства Обеих Сицилий свою коллекцию, памятники были освидетельствованы Королевской комиссией древностей в Неаполе. На некоторых предметах из этой коллекции, хранящейся в Эрмитаже, до сих пор сохранились красные сургучные печати [Milanese, 2014, p. 65, tav. III; Букина, 2015, с. 185, илл. 4] с государственным гербом неаполитанского королевства, которые накладывали при этой процедуре [Букина, 2015, с. 184].

Тот факт, что Пиццати предложил свою коллекцию именно российскому императору, не вызывает удивления, если учесть его дружеские отношения с представите-

лями российской аристократии, приближенной к императорскому двору. Достаточно упомянуть лишь то, что в конце 1820-х – начале 1830-х гг. он сопровождал в путешествиях по Италии княгиню Софью Григорьевну Волконскую (1786–1869) [Bukina, Petrakova, Phillips, 2013, fig. 49; Букина, 2015, с. 186, ил. 5], не только супругу министра императорского двора Петра Михайловича Волконского, но и родственницу Алексея Николаевича Оленина (1763–1843), президента Императорской Академии художеств и директора Императорской публичной библиотеки, активно интересовавшегося античными вазами [см. подробнее: Петракова, 2013, с. 60]. Также в конце 1820-х – начале 1830-х гг. Пиццати некоторое время исполнял обязанности личного доктора уже упоминавшегося выше российского посла в Риме графа Н.Д. Гурьева [подробнее об этом: Букина, 2015, с. 183–184], который тоже собирал вазы.

В 1833 году по приезде в Россию Пиццати вместе со своей коллекцией нашел пристанище в доме С.Г. Волконской на Мойке, 12, а в 1834 году купленные императором вазы были размещены в Императорской Академии художеств [Букина, 2015, с. 186–188]. К открытию нового Императорского музея в феврале 1852 года коллекция была перемещена из Академии художеств в зал расписных ваз на первом этаже Нового Эрмитажа (там же разместились и вазы из коллекции Лаваль) [см. подробнее: Букина, 2014, с. 213–230].

Вместе с вазами Пиццати привез и хранящийся ныне в архиве Государственного Эрмитажа рукописный каталог [Gargiulo, 1833(?) – рукопись; см. о ней: Bukina, Petrakova, Phillips, 2013, p. 76–82, fig. 55; Букина, 2015], написанный Раффаэле Гарджуло (1785 – после 1870) – одним из наиболее известных знатоков и реставраторов античных ваз в Неаполе первой половины XIX века [подробнее о нем см.: Milanese, 2014, p. 201–256]. В нем все вазы достаточно подробно описаны, дана информация об их провенансе и состоянии сохранности, в ряде случаев вынесено оценочное суждение по поводу качества реставрационных работ [подробнее об этом см.: Bukina, Petrakova, Phillips, 2013, p. 259–263; Bukina, 2017]. Кроме того, Гарджуло изложил свои идеи о времени создания ваз и возможных центрах их производства, основываясь на собственном трактате о вазах, опубликованном им в Неаполе в 1831 году [Gargiulo, 1831].

В каталожных описаниях Гарджуло тщательно указал провенанс ваз: в основном это находки из раскопок на территории Кампании, Базиликаты, Апулии, Калабрии, Сицилии, но также есть вазы и из этрусских центров северной части Лацио – Канино и Корнето. В каталоге описано около тысячи ваз, из них 98 (т.е. почти 10 % всей коллекции) имеют провенанс «из Канино» [см.: Gargiulo, 1833(?); Bukina, Petrakova, Phillips, 2013, p. 160–246] (т.е. они явно добыты в период ранних раскопок – между 1828 и 1832 гг.) или даже более точно: «из коллекции Принца Канино»²⁴, как, например, эрмитажная чернофигурная амфора (ГЭ, инв. Б 1496, St.87) [Горбунова, 1983,

²⁴ Хотя Ю. Жиро писал в связи с исследованием вазовой коллекции Лувра, что не всегда вазы, описанные как происходящие из Канино, действительно были найдены в Вульчи [Giroux, 2002, p. 127–135], в

Петракова А.Е. Вазы из ранних раскопок...

с. 58–59, кат. 39: «Пост. в 1862 г. из собр. Кампана»²⁵; ср.: Bukina, Petrakova, Phillips, 2013, p. 81, 139–141, 173, 259] с изображением Аполлона, играющего на лире, в окружении других богов (ил. 8). Об этой амфоре в каталоге Гарджуло написано: «*Collezione del Sig. Principe di Canino, alle quali figurevi e scritto il loro proprio nome*» [Коллекция синьора Принца Канино, собственное имя которого написано на ней] [Gargiulo, 1833(?), cat. I.138]. К сожалению, в процессе бытования вазы в Эрмитаже описанная Гарджуло надпись с именем Люсьена Бонапарта была утрачена. Это вполне могла быть надпись от руки (такие надписи встречаются на вазах из старинных коллекций, в том числе – на эрмитажных²⁶), а могла быть наклейка²⁷.

Почти все из этих 98 ваз являются вазами, которые мы в наши дни называем «аттическими». Среди них много киликов, амфор и гидрий, также имеются киафы, лекифы, ойнохои. При чтении описаний становится ясно, что Гарджуло привык к роскошным южноиталийским краснофигурным вазам, которые составляли значительную часть находок на территории Королевства Обеих Сицилий²⁸. Поэтому в описаниях ваз из Канино он постоянно выражает свой восторг, ведь эти преимущественно аттические красно- и особенно чернофигурные вазы выглядели для него чем-то необычным и редким на фоне того, к чему он привык. Так, он восхваляет аттические килики и киафы [Gargiulo, 1833(?), I. 141, 142, 143 – отождествлено с ГЭ, инв. St.218, St.292, St. 297 и т.д.], а также лаконский килик: *'Tazza ... Graziosa per lo stile, per la forma e per gli ornati'* [Чаша... Прелестна стилем, формой и декором] [Gargiulo, 1833(?), I.62 – это уже упоминавшийся килик ГЭ, инв. B.5, St.183]. Он уделяет внимание надписям на вазах [например: Gargiulo, 1833(?), I.141 – отождествлено с ГЭ, инв. St. 218], если таковые имеются (увы, только на нескольких из 98 ваз из Канино в коллекции Пиццати имеются надписи). Килик, который в наши дни мы относим к мелкофигурным чашам типа «band-cup», он аттестует как: *'Molto particolare per la picciolezza delle figure e grazio suo disegnie'* [Особенно примечателен миниатюрностью фигур и изяществом их исполнения] [Gargiulo, 1833(?), cat. 411 – отождествлено с ГЭ, инв. B.100, St.323], а о другом чернофигурном килике пишет: *'Rarissimo vaso e questo per la sua grandezza e soggetto che esprime, non che pel numero*

нашем случае мы можем не сомневаться в том, что описанные эрмитажные вазы происходят из Канино и что, по крайней мере, часть из них принадлежала Люсьену Бонапарту.

²⁵ Это один из примеров ошибочного указания провенанса в музейных публикациях о вазах, разбору этого вопроса и выявлению источника ошибок (каталог Лудольфа Стефани 1869 года) посвящена отдельная публикация [Bukina, Petrakova, Phillips, 2013].

²⁶ См., например, владельческую надпись на эрмитажном кратере: «Walicki» [Петракова, 2013, ил. 8; Букина, Петракова, 2019].

²⁷ О таких наклейках на конференции, посвященной вазам из Канино в 2015 году, Лейдене рассказывал в своем докладе Йос ван Хил.

²⁸ О процентном соотношении ваз из разных центров производства в раскопках на юге Италии в XVIII веке и в Лацио в первой половине XIX века см., например, Nørskov, 2002, p. 73–74, 113; De Angelis, 1990, p. 29–53. Об отношении к италийским и аттическим вазам в XVIII и XIX веках см.: Jenkins, 1992, p. 269–277.

delle figure [Редчайшая ваза по своей величине и сюжету, которым она украшена, да и по количеству фигур] [Gargiulo, 1833(?), cat. I. 60 – отождествлено с ГЭ, инв. Б.110, St.46]. Амфорами и гидриями он восторгается еще больше, например: *Vaso molto interessante pel soggetto, per l'iscrizione, per la grandezza e per essere intiero* [Ваза очень интересная сюжетом, надписью и величиной и тем, что не битая] [Gargiulo, 1833(?), cat. 431 – отождествлено с ГЭ, инв. Б. 173, St.165; Горбунова, 1983, с. 112–114, кат. 82] или: *Questo e un vaso assai interessante pe'soggetti, pel bello stile e pel numero delle figure* [Эта ваза очень интересна сюжетами, прекрасным стилем и количеством фигур] [Gargiulo, 1833(?), cat. 423; отождествлено с ГЭ, инв. Б.162, St.85]. Большинство этих vaz – чернофигурные, но встречаются также и краснофигурные, которые Гарджуло восхваляет за интересный сюжет и прекрасный стиль рисунка, например: *Urna a tre manichi ... Vaso interessante pel soggetto e pel bello stile* [Урна с тремя ручками [т.е. гидрия – А.П.]... Ваза интересная сюжетом и прекрасным стилем] [Gargiulo, 1833(?), cat. I. 225; отождествлено с ГЭ, инв. Б. 200 (St.1588); см. также: Передольская, 1967, с. 42–43, кат. 38] или: *Questo bellissimo vaso interessante per la forma, pel disegno, per la compositione, argilla e vernice* [Эта прекраснейшая ваза интересна формой, рисунком, композицией, глиной и краской/лаком] [Gargiulo, 1833(?), cat. I.53; отождествлено с ГЭ, инв. Б.1588 (St.1714); см. также: Передольская, 1967, с. 159–161, кат. 182]. В противовес аттическим вазам Гарджуло сурово критикует две краснофигурные этрусские амфоры (инв. Б.313 и Б.314); он пишет, что хотя они и найдены в Канино, они были, несомненно, сделаны в каком-то второстепенном центре производства и, очевидно, в эпоху упадка: *I. 47 Quasi anfora ... Abbenche questo vaso sia stato trovato in Canino, pure appartiene ad altra fabbrica posteriore...48. Quasi simile (al 47) variando solo ne' manichi ... Anche questo vaso e stato rinvenuto in Canino, ma ad altra fabbrica esso appartiene, e propriamente alla fabbrica di Abella nel tempo della decadenza* [Gargiulo, 1833(?), cat. I. 47-48].

Некоторые из этих 98 vaz Пиццати, происходящих из раскопок в Канино, были опубликованы уже в 1830–40-х годах с воспроизведением средствами печатной графики их формы и рисунка. Например, эрмитажная гидрия-кальпида с изображением Гермеса, Диониса и старцев в восточных костюмах (Б 201, St. 1538) [Передольская, 1967, с. 87–88, кат. 87], которую и Герхард [Gerhard, 1840, S. 178, Taf. L-LI.1-2: 'Gezeichnet im Jahr 1832 bei dem Kunsthändler Rosi in Rom'; см. также: Constantini, 1998], и Гарджуло [Gargiulo, 1833(?), cat. I.55: 'Anche questo vaso e uno dei belli che si coniscano in questo genere pel soggetto, disegno'] восхваляют за редкий сюжет. Другие вазы, опубликованные без иллюстраций, мы можем узнать по подробным описаниям. Все вазы из коллекции Пиццати были опубликованы в первом эрмитажном вазовом каталоге под названием 'Die Vasen-Sammlung der Kaiserlichen Ermitage' в 1869 году [Stephani, 1869]. Автор этого каталога Лудольф Стефани [о нем и его каталоге подробно см.: Петракова, 2019] в предисловии объясняет, что во время перестановок античных vaz в залах Нового Эрмитажа, которые последовали в связи с приобретением в 1861 году коллекции Кампана, вазы из коллекций Пиццати и Кампана частично

Петракова А.Е. Вазы из ранних раскопок...

перепутались; таким образом, в некоторых случаях в каталоге 1869 года оказался зафиксирован неправильный провенанс ваз [этому вопросу посвящена специальная публикация: Bukina, Petrakova, Phillips, 2013]. Поскольку каталог Стефани до сих пор остается основополагающим, эти ошибки были повторены и в последующих музейных каталогах. Недавние исследования позволили нам частично исправить эти ошибки, в частности касающиеся того, что некоторые вазы, поступившие в музей из собрания Пиццати, были записаны как поступившие из коллекции Кампана. Двадцать одна из этих ваз была найдена в Канино не позднее 1832 года, поскольку коллекция Пиццати была в Петербурге уже в 1833 году. Например, две чернофигурные амфоры (ГЭ, инв. Б.1499, St.9) [Gargiulo, 1833(?), cat. I. 221 (Canino); Gerhard, 1840, S. 59, Taf. XV: «vormals bei dem Kunsthändler Depoletti zu Rom»; Bukina, Petrakova, Phillips, 2013, pl. 11] и (ГЭ, Инв. Б.1495, St.131) [Gargiulo, 1833(?), cat. I. 421 (Canino); Gerhard, 1847, S. 90, 176, Taf. CXCI: «in romischen Kunsthandel gezeichnet»; Bukina, Petrakova, Phillips, 2013, p. 141, 175] распознаются в описаниях в каталоге Гарджуло и, более того, были опубликованы с иллюстрациями Герхардом уже в 1840-х годах. В Эрмитаже также имеется кратер (инв. Б.2522), не включенный в каталоги Гарджуло и Стефани²⁹, описанный Герхардом как происходящий из Вульчи, впоследствии – во владении Пиццати, а на момент выхода публикации Герхарда (в 1840 г.) – как находящийся в Петербурге [Gerhard, 1840, Taf. LXV.2; «Auch diese gefällige Zeichnung eines vermuthlich nach Russland gegangenen Gefässes haben wir schon früher ereahnt, ohne sie weiterer Erklärung bedürftig zu finden», Gerhard, 1840, S. 184. «St. Petersburg... Durch Herrn Pizzati neuerdings mit vasen bereichert», Gerhard, 1840, S. 225].

Таким образом, к настоящему моменту мы можем утверждать следующее: вазы из ранних раскопок в Канино попадали в Эрмитаж через руки разных дилеров и собирателей, иногда меняя по несколько владельцев на пути. Мы пока не знаем точного числа ваз из ранних раскопок в Канино, попавших в Эрмитаж, но мы определенно можем утверждать, что их более ста³⁰. Эти вазы были найдены во время раскопок в Канино, имевших место между 1828 и 1832 годами. У некоторых из них мы можем документально подтвердить происхождение из раскопок Люсьена Бонапарта и его супруги, причем из наиболее раннего периода раскопок четы Бонапарт – в 1828-29 годах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Алексинский Д.П. и др. Олимпия: победа над временем. Произведения античного и западноевропейского искусства из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб., 2013.

Андросов С.О. От Петра I к Екатерине II: люди, статуи, картины. СПб., 2013.

²⁹ Стефани знал публикации Герхарда, он указал, что килик St. 9 – это: Gerhard, 1840, Taf. XV, a St. 1538 – это: Gerhard, 1840, Taf. L-LI.1-2. Однако по поводу: Gerhard, 1840, LXV.2 он ничего не указал и в каталоге 1869 года нет описания, которое подошло бы к этому кратеру; кратер поступил в музей позже.

³⁰ Некоторые из этих ваз оказались впоследствии в числе тех, что были переданы в другие музеи, например – в ГМИИ им. А.С. Пушкина в Москве. Но основная масса ваз из ранних раскопок в Канино до сих пор хранится в Эрмитаже.

Боспорские исследования, вып. XXXVIII

- Букина А.Г., Петракова А.Е.* Коллекция античных ваз императрицы Марии Федоровны // Атрибуция, история и судьба предметов из императорских коллекций: сб. материалов науч. конф. ГМЗ «Павловск» (Кучумов: к 100-летию со дня рождения). СПб, Павловск, 2012. С. 100–130.
- Букина А.Г.* Выставки античных расписных ваз Императорского Эрмитажа // СГЭ [вып.] 72 (2014). С. 213–230.
- Букина А.Г.* Рафаэле Гарджуло. Каталог коллекции древностей кавалера Пиццати // ТГЭ LXVIII, Эрмитажные чтения памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга 2008-2010, СПб, 2015. С. 180–202.
- Букина А.Г., Петракова А.Е.* Древности генерала Н.Ф. Хитрово и графини А.Г. Лаваль // ТГЭ по материалам Эрмитажных чтений памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга, СПб, 2019, в печати.
- Галанина Л.К.* Панафинейская амфора – награда атлету в Афинах. Л., 1962.
- Горбунова К.С.* Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Каталог. Л., 1983.
- Передольская А.А.* Краснофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Каталог. Л., 1967.
- Петракова А., Букина А.* Античная коллекция Павловска и предметы из раскопок на Юге России в собрании императрицы Марии Федоровны // Наследие античного мира. Коллекции из собрания Михаила и Елены Карисаловых и Государственного музея-заповедника «Павловск». СПб, ГМЗ «Павловск». 2016. С. 121–133.
- Петракова А.Е.* Античные вазы из итальянских коллекций XVIII века в России // СГЭ [вып.] 72 (2014). С. 108–134.
- Петракова А.Е.* Античные керамические вазы из коллекции Лаваль в Эрмитаже: к вопросу о приобретении и изучении // СГЭ [вып.] 71 (2013). С. 57–73.
- Петракова А.Е.* Лудольф Стефани (1816–1887) и формирование традиций исследования, экспонирования, каталогизации, публикации и ведения учетной документации античных ваз в Эрмитаже // ТГЭ по материалам Эрмитажных чтений памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга, СПб, 2019 (в печати).
- Петракова А.Е.* Степан Александрович Геденов и вазы из коллекции Кампаны в собрании Эрмитажа. К вопросу об истории приобретения // СГЭ [вып.] 70 (2012). С. 181–193.
- Петракова А.Е., Калинин К.Б.* Две вазы из коллекции А.А. Абазы: новые данные о происхождении и реставрации // СГЭ [вып.] 74 (2016). С. 68–85.
- Петракова А.Е., Филипп К.* История приобретения Эрмитажем коллекции Кампана // ТГЭ по материалам Эрмитажных чтений памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга, СПб, 2019 (в печати).
- Пиотровский А.И.* Панафинейская амфора Елизаветинского кургана // Известия РАИМК. Т. 3 (1924). С. 81–105.

REFERENCES

- Aleksinskiy D.P. et.al.* Olympia: pobeda nad vremenem. Proizvedeniya antichnogo i zapadnoevropeyskogo iskusstva iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha. Katalog vistavki. St. Petersburg, 2013.
- Androsov S.O.* Ot Petra I k Ekaterine II: Lyudi, statui, kartini. St. Petersburg, 2013.
- Bernard M.-A.* Francesco Depoletti (1779-1854) artiste et restaurateur de vases antiques à Rome vers 1825-1854 // *Techne* 27-28 (2008), La restauration des oeuvres d'art. Éléments d'une histoire oubliée, XVIIIe – XIXe siècles. P. 79–84.
- [Bonaparte L. 1829a].* Muséum étrusque de Lucien Bonaparte, prince de Canino, fouilles de 1828 à 1829. Viterbe, 1829.
- [Bonaparte L. 1829b].* Catalogo di scelte antichità etrusche, trovate negli scavi del Principe de Canino 1828-29, Viterbo, 1829.
- [Bonaparte L.]* Mémoires de Lucien Bonaparte, prince de Canino, écrits par lui-même. Paris, 1836.
- [Bonnafonds Delavialle].* Notice d'une Collection de Vases Peints tirées des Fouilles faites en Etrurie par feu le Prince de Canino, Paris, 1845.
- von Bothmer D.* Greek Vase-Painting: Two Hundred Years of Connoisseurship // *Papers on the Amasis Painter and his World.* Malibu, 1987. P.184–204.
- von Bothmer D.et.al.* The Wealth of Ancient World. The Vases of Nelson Bunker Hunt and William Herbert Hunt Collections. Forth Worth, 1983.

Петракова А.Е. Вазы из ранних раскопок...

- Braun E.M.* Bassorilievo ceretano con citta etrusche // Annali dell'Instituto di Corrispondenza Archeologica, volume unico. Roma, 1842.
- Bukina A.* Restorations on the Canino vases of the Hermitage museum // // The Canino Connections: The history and restoration of ancient Greek vases from the excavations of Lucien Bonaparte, Prince of Canino (1775–1840), ed. by R. Halbertsma, Leiden, 2017 (PALMA 16). P. 117–124.
- Bukina A., Petrakova A.* Pavlovsk Imperial villa and its collections: from the first stage of antiquities collecting and archaeology in Russia // Greek Art. Studies in honour of Sir John Boardman on the Occasion of His 90th Birthday. 2019. P. 439–450.
- Bukina A., Petrakova A., Phillips C.* Greek Vases in the Imperial Hermitage Museum: The History of the Collection 1816–69, with Addenda et corrigenda to Ludolf Stephani, Die Vasen-Sammlung der Kaiserlichen Ermitage (1869). Oxford, 2013.
- Bukina A.G.* Raffaele Gargiulo. Kalalog kolleksii drevnostey kavalera Pizzati // TGE vol. LXVIII, Ermitazhnie chteniya pamyati V.F. Levinsona-Lessinga 2008-2010, St. Petersburg, 2015. P. 180–202.
- Bukina A.G.* Vistavki antichnikh raspisnikh vaz Imperatorskogo Ermitazha // SGE [vol.] 72 (2014). P. 213–230.
- Bukina A.G., Petrakova A.E.* Drevnosti generala N.F. Khitrovo i grafini A.G. Laval // TGE po materialam Ermitazhnikh chteniy pamyati V.F. Levinsona-Lessinga. St. Petersburg, 2019 (forthcoming).
- Bukina A.G., Petrakova A.E.* Kolleksiya antichnikh vaz imperatritsi Marii Fedorovni // Atributsiya, istoriya i sud'ba predmetov iz imperatorskikh kolleksiy: sb.materialov nauch.konf.GMZ "Pavlovsk" (Kuchumov: k 100-letiya so dnya rozhdeniya). St. Petersburg, Pavlovsk, 2012. P. 100–130.
- Buranelli F.* Gli scavi a Vulci (1828–1854) di Luciano ed Alexandrine Bonaparte Principi di Canino // Luciano Bonaparte: Le sue collezioni d'arte, le sue residenze a Roma, nel Lazio, in Italia (1804–1840). Roma, 1995. P. 81–218.
- Buranelli F.* Gli scavi a Vulci della societa Vincenzo Campanari-Governo Pontificio, 1835–37. Studia archaeologica 58 (1991).
- Constantini A.* Roma nell'eta della Restaurazione: un aspetto della ricerca archeologica. La Collezione di vase attici di Luciano e Alexandrine Bonaparte, riprodotta dei disegni del 'Gerhard'scher Apparat' // Atti della Accademia Nazionale dei Lincei, Classe di Scienze Morali, Storiche e Filosofiche, Memorie, Serie IX, Vol. X, Roma, 1998. P. 203–438.
- Cook R.M.* Greek Painted Pottery (3rd edition). London-New York, 1997.
- Coulié A., Petrakova A.* La restauration des vases Campana // Un rêve d'Italie. La collection du marquis Campana. Paris, 2018. P. 316–321.
- Corbett P.E.* The Burgon and Blacas Tombs // JHS 80 (1960). P. 52–60.
- De Angelis A.* Ceramica attica della collezione Bonaparte da Vulci // Archeologia Classica 42 (1990). P. 29–53.
- Dennis G.* The Cities and Cemeteries of Etruria. Murray, 1848.
- Galanina L.K.* Panafineyskaya amphora – nagrada atletu v Afinakh. Leningrad, 1962.
- Gargiulo R.* Catalogo della cospicua collezione de'Vasi antichi Italo-greci, de' vetri, delle terre cotte e de' bronzi di proprieta del Sig. Cav. Pizzati, 1833(?). (handwritten catalogue in the Archive of the State Hermitage Museum).
- Gargiulo R.* Cenni sulla maniera di rinvenire i vasi fittili Italo-Greci sulla loro costruzione, sulle loro fabbriche piu distinte e sulla progressione e decadimento dell'arte vasaria. Naples, 1831.
- Gerhard E.* Auserlesene Griechische Vasenbilder, hauptsächlich Etruskischer Fundorts. 1. Theil. Berlin, 1840.
- Gerhard E.* Auserlesene Griechische Vasenbilder, hauptsächlich Etruskischer Fundorts. 3. Theil. Berlin, 1847.
- Gerhard E.* Auserlesene Griechische Vasenbilder, hauptsächlich Etruskischer Fundorts. 4. Theil. Berlin, 1858.
- Gerhard E.* Rapporto intorno i vasi Volcenti // Annali dell'Instituto di corrispondenza archeologica 3 (1831). P. 5–218.
- Gerhard E.* Vasi Panatenaici // Annales de l'Institut de Correspondance Archéologique. T. 2. Parigi, 1830.
- Giroux H.* Les acquisitions du Louvre aux ventes Canino // Essays in Honour of Dietrich von Bothmer. Amsterdam, 2002. P. 127–135.
- Gorbunova K.S.* Chernofigurnie atticheskiye vazi v Ermitazhe. Katalog. Leningrad, 1983.

Боспорские исследования, вып. XXXVIII

- Halbertsma R.* Scholars, Travellers, and Trade: the Pioneer Years of the National Museum of Antiquities in Leiden, 1818-1840. London and New York, 2003.
- Iung Th.* Lucien Bonaparte et ses mémoires, 1775-1840 : d'après les papiers déposés aux Archives étrangères et d'autres documents inédits. 3 vols. Paris, 1882-1883.
- Jenkins I.* La vente des vases Durand (Paris, 1836) et leur réception en Grande-Bretagne // *L'Anticomanie*. La collection d'antiquités aux 18e et 19e siècles. Paris, 1992. P. 269-277.
- Jenkins I., Sloan K.* Vases and Volcanoes: Sir William Hamilton and his Collections. London, 1996.
- Messerschmidt F.* Die Nekropolen von Vulci. Berlin, 1930.
- Michaelis A.* Geschichte des Deutschen Archäologischen Instituts 1829-1879. Berlin, 1879.
- Milanese A.* In partenza dal regno, esportazioni e commercio d'arte e d'antichità a Napoli nella prima metà dell'Ottocento, Florence, 2014.
- Moroni G.* Dizionario di erudizione storico-ecclesiastica da san Pietro sino ai nostri giorni. Venezia, 1844.
- Neils, J.* KARIΘAIOS EΠOΨEN // Essays in Honor of Dietrich von Bothmer. Amsterdam, 2002. P. 237-243.
- Nørskov V.* Greek Vases in New Contexts. The Collecting and Trading of Greek Vases – An Aspect of the Modern Reception of Antiquity. Aarhus University Press, 2002.
- Nørskov V.* The Affairs of Lucien Bonaparte and the Impact on the Study of Greek Vases // *The World of Greek Vases*. Roma, 2009. P. 63-76.
- Peredolskaya A.A.* Krasnofigurnye atticheskiye vazi v Ermitazhe. Katalog. Leningrad, 1967.
- Petrakova A.* Canino vases in the State Hermitage Museum: the history of purchasing // *The Canino Connections: The history and restoration of ancient Greek vases from the excavations of Lucien Bonaparte, Prince of Canino (1775-1840)*, ed. by R. Halbertsma, Leiden, 2017 (PALMA 16). P. 43-52.
- Petrakova A., Bukina A.* Antichnaya kolleksiya Pavlovskaya i predmeti iz raskopok na jube Rossii v sobranii imperatritsi Marii Fedorovni // *Nasledie antichnogo mira. Kolleksii iz sobraniya Mikhaila i Eleni Karisalovikh i Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika "Pavlovsk"*. St. Petersburg, GMZ "Pavlovsk", 2016. P. 121-133.
- Petrakova A.E.* Antichnie keramicheskie vazi iz italianskikh kolleksiy XVIII veka v Rossii // *SGE [vol.] 72* (2014). P. 108-134.
- Petrakova A.E.* Antichnie keramicheskie vazi iz kolleksii Laval v Ermitazhe: k voprosu o priobretenii i izuchenii // *SGE [vol.] 71* (2013). P. 57-73.
- Petrakova A.E.* Ludolf Stephani (1816-1887) i formirovanie traditsiy issledovaniya, eksponirovaniya, katalogisatsii, publikatsii i vedeniya uchetoynoy dokumentatsii antichnikh vaz v Ermitazhe // *TGE po materialam Ermitazhnikh chteniy pamyati V.F. Levinsona-Lessinga*, St. Petersburg, 2019 (forthcoming).
- Petrakova A.E.* Stepan Alexandrovich Gedeonov i vazi is kolleksii Campana v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha. K voprosu ob istorii priobreteniya // *SGE [vol.] 70* (2012). P. 181-193.
- Petrakova A.E., Kalinina K.B.* Dve vazi iz kollektzii A.A. Abazi: novie dannie o proiskhozhdenii i restavratsii // *SGE [vol.] 74* (2016). P. 68-85.
- Petrakova A.E., Phillips K.* Istoriya priobreteniya Ermitazhem kolleksiy Campana // *TGE po materialam Ermitazhnikh chteniy pamyati V.F. Levinsona-Lessinga*, St. Petersburg, 2019 (forthcoming).
- Piotrovskiy A.I.* Panafineyskaya amphora Elizavetinskogo kurgana // *Izvestiya RAIMK*. T. 3 (1924). P. 81-105.
- Plautine N.* Note sur le nom du peintre céramiste Onésimos // *RA II* (1937). P. 27-38.
- Ramage N.H.* Sir William Hamilton as collector, exporter, and dealer: the acquisition and dispersal of his collections // *American Journal of Archaeology* 94 (1990). P. 469-480.
- Sparkes B.* The Red and the Black: Studies in Greek Pottery. London-New York, 2005.
- Stephani L.* Die Vasen-Sammlung der Kaiserlichen Ermitage, St. Petersburg, 1869.

Резюме

Статья посвящена вазам, происходящим из раскопок, имевших место в конце 1820-х – начале 1830-х годов близ Рима (Канино, Вульчи и др.), в том числе – на землях, принадлежавших Люсьену Бонапарту, младшему брату Наполеона Бонапарта. Несколько очень плодотворных сезонов раскопок сделали Люсьена владельцем тысяч античных глиняных ваз, которые он и его жена Александрина начали продавать. Некоторые из этих ваз были опубликованы уже в 1828 году, так что у нас есть два каталога с описаниями и рисунками; также несколько публикаций было сделано в археологических журналах того времени. С помощью этих публикаций, а также некоторых архивных документов, опубликованных в XX веке, в настоящий момент мы в состоянии идентифицировать некоторые вазы из ранних раскопок Бонапарта с вазами из собрания Государственного Эрмитажа. Некоторые из них проделали долгий путь по дороге в музей, сменив на этом пути нескольких владельцев. Другие же попали в музей еще в XIX веке, из коллекции Джузеппе Антонио Пиццати. Хотя прямо сейчас мы не можем задекларировать точное число ваз из Канино в Эрмитаже, мы можем утверждать, что в Эрмитаже хранится более ста ваз, раскопанных между 1828 и 1832 годами в Канино Бонапартом и некоторыми другими археологами-любителями той эпохи.

Ключевые слова: вазы из раскопок в Канино, раскопки Люсьена Бонапарта в 1828–1832 годах, идентификация ваз из ранних раскопок в Канино с вазами из собрания Государственного Эрмитажа, ранние публикации Герхарда, рукописный каталог коллекции Пиццати, греческие вазы из ранних раскопок в окрестностях Рима, Джордж Деннис и вазы из этрусских гробниц.

Summary

The article deals with the vases, excavated in the late 1820s – early 1830s in near Rome (Canino, Vulci, etc.), including the lands belonged to Lucien Bonaparte, the younger brother of Napoleon Bonaparte. Some very fruitful seasons of excavations made Lucien the owner of several thousands of ancient clay vases, which he and his wife Alexandrine started to sell. Some of the vases were published as early as in 1828, so we have two catalogues with the descriptions and drawings; some publications were made in archaeological journals of the time. With the aid of these publications as well as some archive documents, published already in the 20th century, we are able now to identify some of the Bonaparte vases from his early excavations in the collection of the State Hermitage Museum. Some of them have made a long way to the museum and changed several owners on this way. Others came to the museum already in the 19th century, via the collection of Giuseppe Antonio Pizzati. Even though right now we are not able to declare the precise number of the Canino vases in the Hermitage, we may state there are definitely more than 100 vases, excavated between 1828 and 1832 in Canino by Bonaparte and some other ‘diggers’ of the time, in the Hermitage.

Key words: vases from the Canino excavations, excavations of Lucien Bonaparte in 1828–1832, identification of the vases from the early excavations in Canino in the collection of the State Hermitage Museum, early publications by Gerhard, handwritten catalogue of the Pizzati collection, Greek vases from early excavations in near Rome, George Dennis and vases from Etruscan tombs.

Боспорские исследования, вып. XXXVIII

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

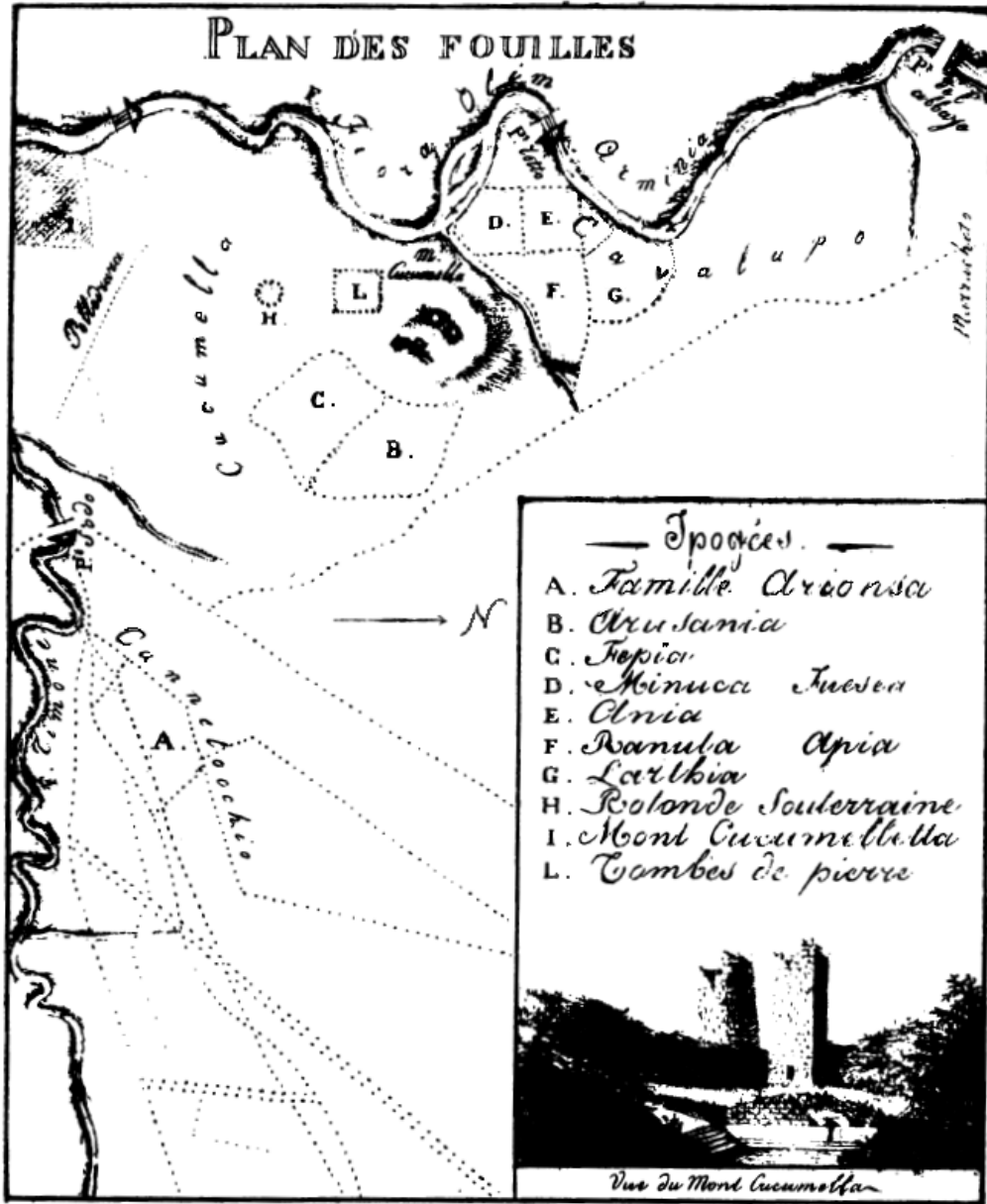
Петракова Анна Евгеньевна,
доктор искусствоведения, доцент,
Государственный Эрмитаж, Отдел античного мира,
старший научный сотрудник
+7 (921) 307 68 74
petrakova.anna@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Petrakova Anna, Dr.Hab., associated professor
The State Hermitage Museum,
The Department of Ancient Greece and Rome, senior scientist,
+7 (921) 307 68 74
petrakova.anna@gmail.com

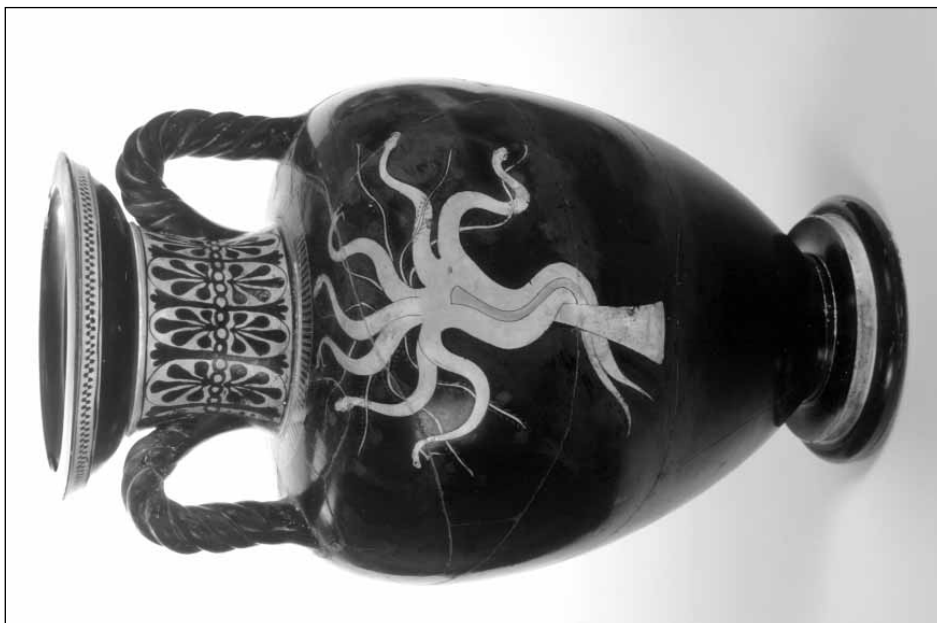
Ил. 1. Портрет Люсьена Бонапарта. Воспроизводится по изданию: Memoirs of the private and political life of Lucien Bonaparte, Prince of Canino, translated from French, in two volumes. London, 1818.

Ил. 2. Карта раскопок Люсьена и Александрины Бонапарт в 1828–29 гг.
 Воспроизводится по изданию: Bonaparte, 1829a.

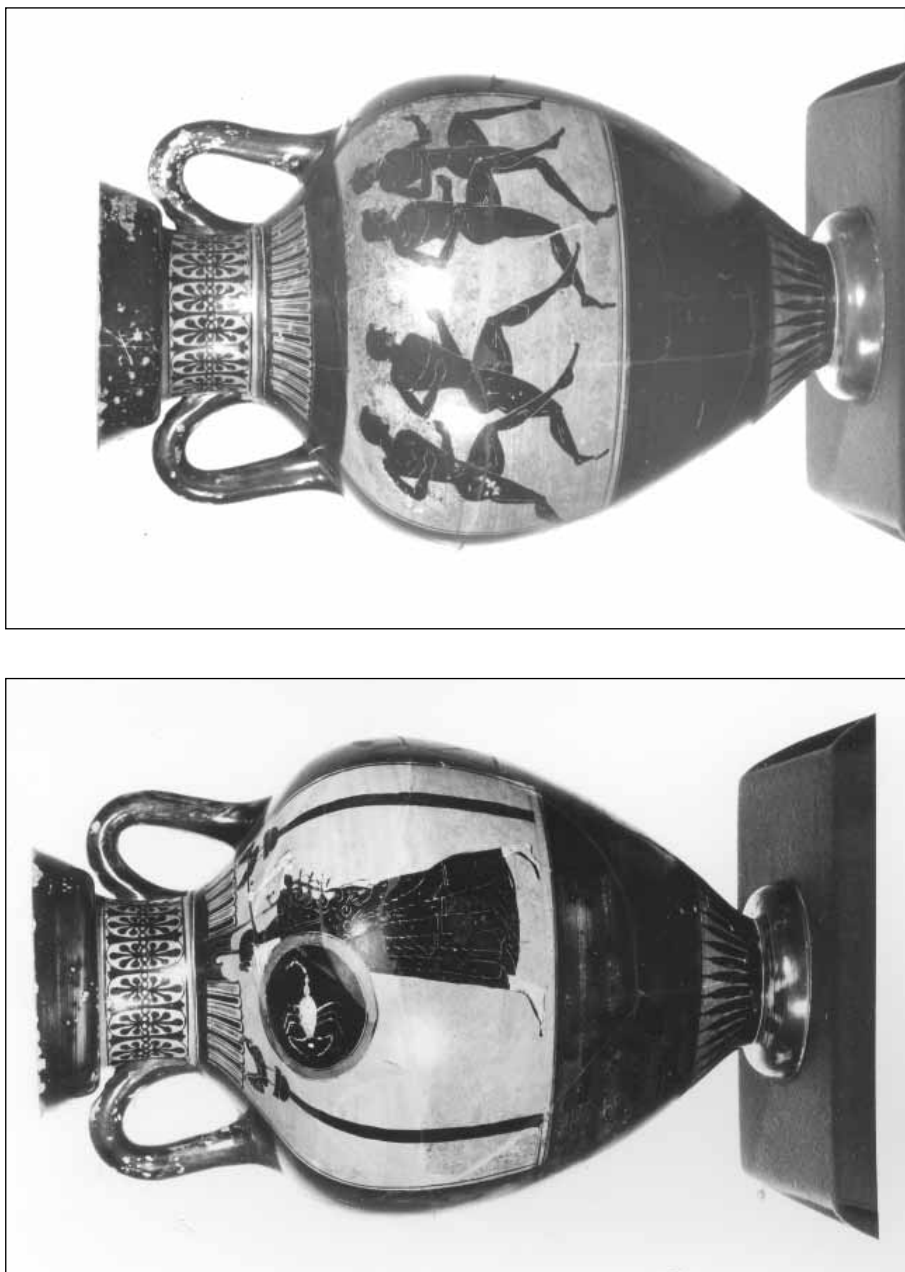
Ил. 3. Краснофигурный аттический килик (ГЭ, инв. Б.2009). Происходит из раскопок Люсьена Бонапарта в Канино в 1828–29 гг. © Государственный Эрмитаж.

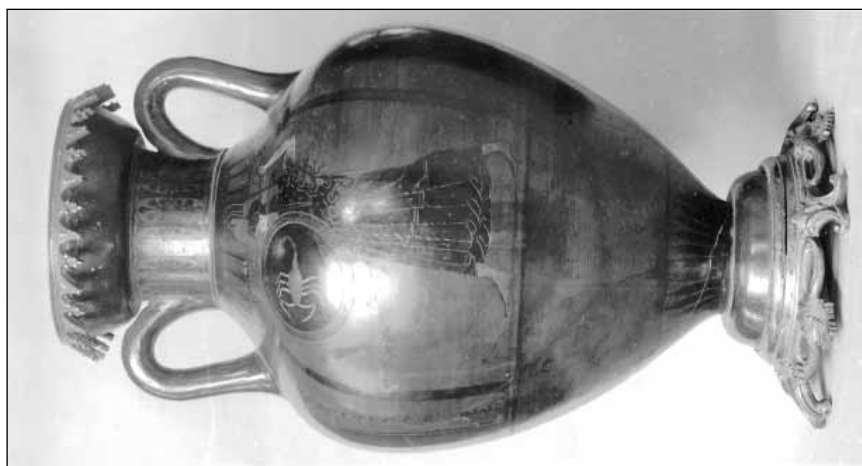
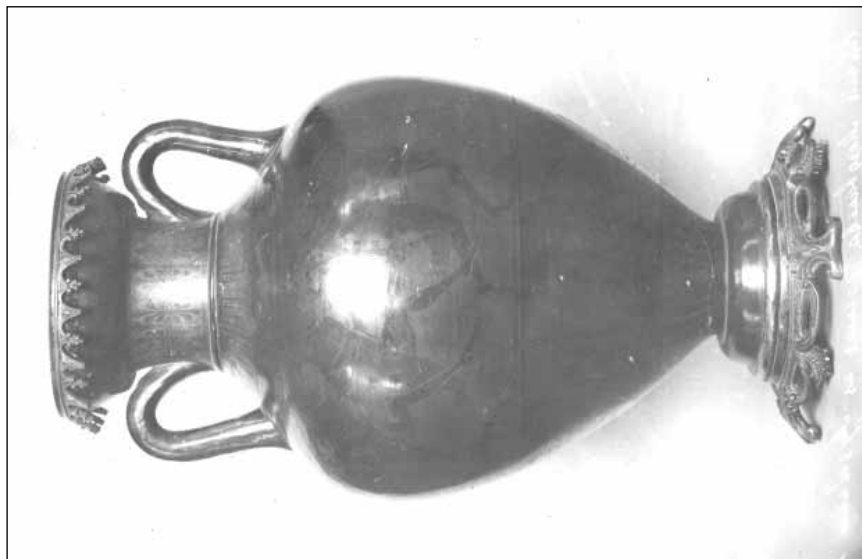
Илл. 4. Краснофигурная аттическая амфора (ГЭ, инв. Б.2351).
Происходит из раскопок Лосьена Бонапарта в Канино в 1828–29 гг. © Государственный Эрмитаж.

Ил. 5. Краснофигурный аттический килик. (ГЭ, инв. Б.3385).
Происходит из раскопок Люсьена Бонапарта в Канно в 1828–29 гг. © Государственный Эрмитаж.

Ил. 6. Чернофигурная аттическая амфора. (ГЭ, инв. Б.4262).
Происходит из раскопок Люсьена Бонапарга в Канино до 1832 года. Современная фотография. © Государственный Эрмитаж.

Ил. 7. Фотография амфоры, инв. Б.4262, датированная 1919 годом, на вазе присутствует металлическая оправа, изъятая в процессе реставрации 1980 года (нынешнее местонахождение оправы выявить не удалось). Слева от колонны, перед которой стоит Афина, видна вертикальная надпись «ΤΟΝ ΑΘΕΝΕΘΕΝ ΑΘΛΟΝ», оказавшаяся фальшивой и смытая в процессе реставрации 1980 года. © Государственный Эрмитаж.

Ил. 8. Чернофигурная аттическая амфора. (ГЭ, инв. Б.1496). Происходит из раскопок Люсьена Бонапарта в Канино до 1832 года. В 1830-х годах на вазе имелось имя Люсьена Бонапарта (ныне отсутствует – смыто или отклеилась наклейка) © Государственный Эрмитаж. 1832 год.